

А. Стшемжальска

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ МЕЙХАНА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРАКТИК И ИХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Явление *мейхана* (азерб. *меухана*) можно рассматривать в нескольких аспектах. Сам термин персидского языка обозначает «дом вина» («мей» — вино, «хана» — комната, помещение). Однако *мейхана* — это прежде всего устная форма стихосложения, речитативные импровизации, которые исполняются (читаются) в восточной части Азербайджана. При этом, с одной стороны, они весьма популярны, с другой — частью общества, прежде всего людьми с высшим образованием, они подвергаются резкой критике как нечто недостойное и маргинальное. Это противоречие и попытка ответить на вопрос о том, где локализуется *мейхана*, на краях или в центре социально-политического пространства современного Азербайджана, стали отправной точкой данной статьи.

Ниже я опишу, как за последние двадцать-тридцать лет среди жителей Апшерона поменялись представления о *мейханициках* и их творчестве. В своем рассказе я сосредоточусь на следующих образах исполнителей речитативов: *мейханицика* — андеграундного поэта-героя, который продолжает «традицию» чтения импровизационных стихов, *мейханицика* — защитника справедливости, связанного с семантическим локусом «вора в законе», и, наконец, *мейханицика* — поп-звезды, *celebrity*, местной знаменитости. Кроме того, я объясню, что причины преобразования

представлений о *мейханщиках* кроются в особенностях развития жанра *мейханы* и процессе конструирования образа исполнителей в азербайджанском обществе, чтобы они отвечали требованиям идеологии «азербайджанизма». Поскольку появление образа *мейханщика* восходит к началу XX в., начнем с краткой исторической справки.

Мейханщики первой половины XX в.

Первые письменные сведения о *мейхане* как азербайджанском поэтическом жанре были опубликованы в 10–30-е годы XX в. [Şərifzadə 1919; Şərifov, Darablı 1919; Vahid, Cabarzadə 1922; Vahid 1925; Anatollu 1925; Cabarzadə 1927; Anatolli 1927; Anatollu 1930] в произведениях, напечатанных в трех сборниках. Частично они переизданы в 1993 г. в книге «Апшеронская *мейхана*» (азерб. «Absheron meyxanaları») [Imamaliyev 1993]. Там поднимаются вопросы социально-политической жизни второго десятилетия XX в., даются оценки историческим событиям того периода и поступкам персонажей. Например, в тексте под названием «Не сможешь ли ты?» (азерб. «Bacara bilməzsən?») упоминаются имена общественных деятелей того времени, обыгрываются отношения Азербайджана, Ирана, России и Турции [Tağısoy, Zakariyeva 2011]. Информационный характер произведений образует красочную картину экономической, общественной, политической и нравственной жизни в Азербайджанской Демократической Республике (АДР), существовавшей с 1918 по 1920 г.

Похожую характеристику мы можем дать и другим словесным речитативам, опубликованным с 1919 по 1930 г. Их общая черта заключается в том, что они, как правило, описывают одно или несколько происходящих одновременно событий. В произведениях рассказывается о местных социальных реалиях: взятостности, инфляции, ценах на продукты и газ и т.д.

Кроме того, авторы ранних сборников большое внимание уделяют происхождению жанра. Имплицитно подчеркивается также роль *мейханы* в становлении азербайджанской письмен-

ности и идентичности. Например, с этой целью авторы на нескольких страницах описывают жизнь *мейхани* Мирзы Багира (азерб. *Mirzə Vağır*, 1810–1882) и сообщают, что он уже в возрасте восемнадцати лет сочинял общественно-политические *бедие* о разделении Азербайджана на южный и северный [Tağısoy, Zakariyya 2011].

Несомненно, *мейхана* периода существования независимой АДР и первых лет существования советского Азербайджана служила формированию и укреплению азербайджанской нации, имела пропагандистский характер и социальную подоплеку. Важно, что в отличие от более поздней *мейханы*, содержание произведений того времени предполагало социальную критику, и общая оценка *мейханы* как явления была положительной. То же самое можно сказать об образе исполнителей, которых воспринимали как национальных героев, борцов за модернистские идеи государственного развития.

Мейхана как национальное искусство была особенно популярна в годы Великой Отечественной войны. Тогда словесные речитативы Алиаги Вахида использовались для антифашистской пропаганды [Vahid 1925]. В октябре 1938 г. Вахид был назначен литературным руководителем Государственного колхозно-совхозного театра. Он вместе с другими профессиональными *мейхани* выступал с мини-пьесами, в которых в шуточной форме преподносились общественно-политические проблемы в стране. Примеры этой деятельности изображены в культовом азербайджанском фильме о жизни и творчестве Алиаги Вахида под названием «Гезельхан» (азерб. *Qezelxan*, 1991, режиссер Шахмар Алекперов). В качестве примера можно привести отрывок *мейханы*-агитпьесы из этого фильма:

Гитлер: Не найти во всем мире такого плохого человека как я,
Погубил я весь немецкий народ.

Вот какой я ужасный,
Как собака, сожалею о содеянном.

Люди: Страна плюет на совесть Гитлера,
Страх поселился в душе Гитлера.

Гитлер: Раньше я бил себя в грудь, хвастался,
Меня побили как осла, наевшегося мукой,
Я уже не тот, кем был, я животное,
Как собака, жалею о содеянном.

Итак, *мейхана* первой половины XX в. — это не только словесные речитативы, но и особое театральное искусство. Поскольку в сборнике наряду с репликами артистов дается подробная характеристика сценографии и музыкального оформления, по всей видимости, они являются частью пьес, в которых играет несколько актеров. Набор главных персонажей (работник, крестьянин, владелец магазина, мулла, военный деятель, представитель местной буржуазии — хан), а также характер диалогов соответствуют социалистической идеологии. *Мейханщик*, в свою очередь, исполняет роль правдолюбивого национального героя. Его роль — приблизить слушателя к идеологическим ценностям советской эпохи. Кроме того, поскольку ранний период существования СССР был важен для формирования азербайджанской этнической группы, мейханщик того времени влиял на становление национальной идентичности местного населения.

Диссидент и «защитник справедливости»

Вышеописанное направление развития *мейханы* продолжалось недолго. После войны продвижение национального искусства как инструмента формирования локальной идентичности вошло в противоречие с коммунистической политикой слияния, которая должна была привести к «полному единству наций». Следовательно, возможности для продвижения азербайджанского искусства уменьшились. С одной стороны, его стали рассматривать как угрозу коммунистической идеологии. С другой — советская власть использовала местные формы творчества для реализации своих политических целей. Например, в нескольких фильмах того времени, таких как «Я помню тебя, учитель» (азерб. *Bizim Səbiş müəllim*, 1969, реж. Нәсән Сейидбәyli)

или «Кура неукротимая» (азерб. Dəli Kür ilm, 1969, реж. Hüseyn Seyidzadə), мейхана изображается как примитивное уличное творчество или как «отсталые» представления религиозного характера.

Несмотря на то что на официальном уровне мейхана была известна как полузапрещенный жанр и свидетельство культурной отсталости, в памяти населения все-таки живы были воспоминания о мейханщике-герое. В связи с этим образ исполнителя словесных речитативов советских времен неоднозначен: он и бродяга, и диссидент, и поборник справедливости.

Кто они (мейханщики. — А.С.) были в советское время? Это были андеграундные люди, которые, в общем-то, были бездельниками, ничего не делали, пользовались наркотическими веществами. К образу советского человека не подходили никак. Тунейдцами были, грубо говоря. Поэтому они были героями для молодых. Это были беспечные герои, и это как бы связывало их с суфизмом, где играют со своей жизнью как с огнем. Им абсолютно безразлично было, что государство может их наказать. Они просто гении, которые говорят в ритм то, что другие боятся озвучить. Им присуще было высокомерие к советскому обществу, людям, которые подчинялись закону, ходили на работу (М., м., 55 лет, музыковед).

Героем-мейханщиком советского периода был Низами Ремзи. Исполнитель в своих произведениях осуждал режим за несправедливое отношение к людям. После распада СССР его творчество продолжало развиваться в революционном направлении. Ниже привожу несколько оценок его мейханы:

«Это было известно, потому что он критикует власть или поет о нищем студенте, который живет где-то там, где крысы бегают. Темы были бытовые, про мораль», — рассказывал один из знакомых журналистов (А., ж., 43 года, журналист).

Похожее мнение у другого представителя интеллигенции, учителя истории в гимназии:

Это были социально-нравственные частушки, вольная импровизация. Там не было прославления партии, и это настораживало советских руководителей, а нам было интересно его слушать (Т., м., 65 лет, учитель).

Низами Ремзи считается хорошим поэтом-сатириком, основоположником современной музыкальной *мейханы*. Его произведения по сегодняшний день пользуются большой популярностью, которую только повышают загадочные обстоятельства его смерти. Исполнитель вместе со своим другом, также талантливым *мейханистом*, Кебиром Азери погиб в автокатастрофе. Многие мои информанты это происшествие считают несчастным.

Это было после того, как наш Баба¹ взойшел на трон. Низами выступил на новогодней передаче и оскорбил его. И народ сказал, что его наказали, потому что он критиковал власть (А., м., 40 лет, режиссер).

До середины девяностых годов маштагинские² *мейханисты* также считались оппозиционными режиму президента Гейдара Алиева. Большой отклик в общественно-политической жизни вызвало создание в 1991 г. в Нардаране Исламской партии Азербайджана (азерб. *Azərbaycan İslam Partiyası*), лидерами которой были именно жители Маштаги.

Ильхам Алиев был из Нахичевани, а апшеронцы поддерживали своего кандидата. Власть закрыла поставку газа, и они не могли выращивать свои фрукты и овощи в парниках.

¹ Имеется в виду бывший президент Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев (азерб. *Heydər Əlirza oğlu Əliyev*), который управлял страной в 1993–2003 гг.

² Маштага (азерб. *Məştəgə*) — апшеронский *кенд*, местным населением считается очагом *мейханы*.

Потом создались проблемы с поставкой продуктов в Россию, — объяснял мне ситуацию информант, член проправительственной партии «Новый Азербайджан» (азерб. Yeni Azərbaycan Partiyası) (М., м., 50 лет, политолог).

Другие мои информанты так характеризовали жителей окрестностей Баку:

Информант 1: Вы смотрели фильм «Не та, так эта»? — обращается ко мне информант.

Информант 2: Вот, вот, там почти такие маштагинцы.

Информант 1: Они были наши апшеронские гангстерс...

Информант 2: Ну... да. Они наши горчу¹. Горчу всегда авторитетен, решает проблемы, наводит порядок.

Информант 1: До революции они содержались местными этими олигархами, нефтяниками. Они очень сильно участвовали в погашении каких-то революционных действий, движений, забастовок. То есть они помогали местным поддерживать спокойствие в промыслах (А., м., 40 лет, режиссер).

Информант 2: Апшеронский криминал имеет такой социальный подтекст, что они более справедливые (Т., м., 70 лет, культуролог).

Представление о мейханичке-поэте и одновременно мейханичке — воре в законе — довольно распространенное явление. До начала девяностых годов чтение мейханы считалось также занятием бывших зеков и «шировых», которые принадлежали к неформальным группировкам, ответственным за обеспечение безопасности местного населения в рамках одного квартала (азерб. məhəllə) или поселка.

Квартал сам по себе создавал традицию, своего рода примитивный памфлет. Квартальное состязание ограничива-

¹ *Qoçu* — хранитель. В древности так называли людей, которым доверяли охранять добытый огонь.

лось криминальными лидерами. Каждый приводил своего борца, собак, мейханщика. Это борцовские дела были, бои. Они на палках либо словах дрались. Это квартальная психология (М., м., 38 лет, экономист).

В советское время государственные структуры обладали над сельскими сообществами лишь номинальной властью, поскольку считалось, что представители официальных инстанций, во-первых, не в состоянии «понять тонкостей дела», во-вторых, не могут гарантировать исполнения назначенного наказания и возмещения страданий потерпевшим. Следы этой ситуации можно встретить и сегодня. На встрече у ахунда¹ одного из районов Апшеронского полуострова разговор зашел как раз на эту тему.

Я: Читается ли сегодня мейхана ради развлечения, просто так, для кайфа, не ради денег?

Информант 1: Да, конечно, читается.

Я: Но где именно? Я никогда не слышала. Даже в чайханах, там тоже вроде бы репетиции перед программой на телевидении. Это уже произвольно.

Информант 1: Да, там, в чайханах, сейчас по-другому. Но... Вроде бы им запретили... Не то чтобы запретили... Ну ладно. Там сейчас свои законы. Но мы между собой иногда организуем. Ш., есть с собой запись с прошлой недели?

Информант 2: Да, давайте, поищем. Заодно тебе, А., перепису.

[Информант подключает внешний жесткий диск и открывает папку под названием «Афган»].

Я: Кто этот Афган?

Информант 2: Он наш друг. Он вышел из тюрьмы на прошлой неделе. Мы его не видели десять лет и поэтому решили устроить праздник. Такое приветствие после выхода из тюрьмы у нас обыкновенная практика.

¹ Ахунд — мусульманский ученый, аналог арабского кади, по статусу стоит на уровне имама мечети.

Я: А за что посадили?

Информант 2: Ну, там такие дела были... В общем, неважно (Ш., м., 54 года, кинооператор).

Информант 1: Важно то, что это было несправедливо, мол. Но сейчас, ладно, уже все, вышел. На этом празднике читалась мейхана. Там были все.

[На записи вижу лица почти всех машагинских мейханщиков, а также много других, которые выступают на телевидении].

Я: Вы очень уважаете вашего друга, как раз уже все устасы (имеется в виду мейханщик-учитель. — А.С.) собрались читать в его честь.

Информант 1: Да, он хороший человек. Так получилось, что его посадили... А на этом меджлисе ни одного маната мейханик не брал за выступление (А., м., 36 лет, духовное лицо).

Во время встречи у ахунда мои информанты рассказывали о том, что они сами предпочитают «следить за порядком у себя». По этой причине в селениях, расположенных в окрестностях Баку, проходят неформальные советы, в которых участвуют «уважаемые люди: религиозные лица, аксакалы, мейханики (мейханик часто бывает аксакалом), а также бывшие тюремщики». На таких собраниях решаются «все важные вопросы, кроме уголовных». В круг таких проблем входят кровная месть, кража, разного рода оскорбления. При этом надо помнить, что категория «связанных с криминалом деяний» является этным термином. В поминании местного населения эти люди «занимаются лишь частным бизнесом», таким как, например, торговля, в успешном осуществлении которой официальное законодательство зачастую воспринимается как «лишние, искусственные препятствия».

Завершая мои рассуждения, хочу подчеркнуть, что как в советское время, так и сегодня рядом с Баку существуют сообщества, которые не подчиняются официальной власти: у них есть свои ценности и законы, они не совпадают с государственными.

Поскольку фирменным знаком апшеронских селений является *мейхана*, можно было бы ожидать, что она станет диссидентским жанром, даже оппозиционным явлением. Однако этого не произошло, и словесные речитативы вписались в рамки «азербайджанизма». Т.е. государственная власть достигла своих целей: подчинила себе неблагоклонно настроенных жителей апшеронских *кендов*¹ и заодно воспользовалась их творчеством. Как происходил этот процесс, я расскажу ниже.

Возрождение *мейхан*?

Мейхана считалась диссидентским и «независимым, хотя простым» жанром до половины 1990-х годов. Переломной оказалась встреча лидера маштагинских *мейханищиков* Аги Селима Чильдаха с президентом Гейдаром Алиевым, во время которой исполнитель прочитал произведение в честь правителя страны. В свою очередь, президент выразил признательность Аге Селиму и через него — всему жанру словесных речитативов.

Чильдах стал любимцем Гейдара Алиева. Это было как-то в 1993 г., может, четвертом. Там у них в районах свои чайханы, и там уже не лезли. Это же сразу какой-то статус... Власть очень сильно подпитывает все низкие формы культуры. Использует этот момент для обыгрывания населения. Мейханищики зарабатывают большие деньги и не платят налоги. А потом дают бесплатные концерты во имя президента. Это их обязанность. Это такая пятая колонна власти своеобразная (Х., м., 28 лет, предприниматель).

В свою очередь, ведущий популярной программы рассказывал, как он потратил больше полугода на то, чтобы убедить *мейханищиков* выступать на телевидении.

¹ *Кенд* (азерб. kənd) — в данном случае это поселок городского типа.

Ю.: Я практически с ними жил. Не уходил от них из дома, мы вместе ели, я играл с их детьми. Я каждого мейханика отдельно убеждал, что стоит выступить в конкурсе.

Я: Когда это было?

Ю.: Это было как-то в конце девяностых, девяносто девятый год или, может, двухтысячный. Я им так долго толковал преимущества. Деньги обещал и прочее. Но они не хотели.

Я: Почему не хотели?

Ю.: Они все капризные. Артисты. Кто-то курит, кому-то не хочется, кому-то пофиг, и они наплюют на все. Им очень сложно было уложиться в наши требования.

Я: Требования?

Ю.: Ты же понимаешь, что на телевидении нельзя все сказать. Немножко по-другому надо себя вести. А они не хотели. Они своеобразные люди, любят у себя в районе проводить время. В город редко приезжают. Особенно машагинцы. Им не хочется общаться с другими. Меня воспринимают, потому что я нардаранский. Да, в общем, тебе повезло. Мехман обыкновенно не очень разговорчив, а с тобой общался, так редко бывает.

Я: Слушай, а откуда у тебя появилась идея организовать эту телепрограмму?

Ю.: Но так, подумал, что это будет интересно... Я тогда из армии вернулся. Там был снайпером. Делать было нечего. О, насчет армии я вспомнил анекдот <...>.

Я: А деньги на программу откуда взял?

Ю.: Сначала их не было. Но потом, когда это стало популярно среди зрителей, было уже легко (Ю., м., 42 года, ведущий телепрограммы).

В свою очередь, сами мейханики так оценивали выступления на телевидении:

Это (мейхана. — А.С.) бесценное что-то. Но наша жизнь так в тупик зашла, что мы должны зарабатывать на нее, например, своим Божьим даром. Хотим того или нет. Нас не спрашивают (В., м., 34 года, мейханщик).

Государственное признание речитативов, как можно было ожидать, вызвало изменение роли исполнителей в обществе. «Воздух свободы отсутствует в мейхане. Они ведь не для себя кайфуются», — сказал в беседе со мной один мой приятель Торгул, пожилой культуролог, когда мы просматривали фрагменты фильмов, где читается мейхана. В одной сцене были показаны цветущие поля, красивые ландшафты, обильные столы и привлекательные девушки. Тогда Торгул сказал:

Это самая пустая мейхана, которую я на свете знаю. Она самовосхваляет себя: нет ничего красивее, чем у нас. Это пустословие, когда сам себя хвалишь. На свадьбы их зовут, потому что... раньше был такой жанр, как он назывался... Это когда ты льстишь, когда царю говоришь: о, ты самый умный, ты лучший из царей... Ты говоришь, говоришь ему комплименты, пока он не упадет в обморок от того, какой он замечательный. Сегодня мейхана очень часто выступает в характере жанра самовосхваления, и потом ты попадаешь в полный экстаз от этого перечисления. А разница такая, что это не шах, а общество.

Я и так не могу понять, почему мейханачи (имеется в виду мейханщики. — А.С.) воспринимают Алиагу Вахида немножко как отца, а не видят связи между мейханой и Бабой Пюнханом¹. Ведь между ними очень много сходств. И образ жизни, и творчество. Изложение, звучание стихов Вахида тоже мейханитское. Понимаешь? Ритм мейханы. Мейханачи его не воспринимают и говорят, что он не наш. Он для них чужой. И это очень опасно, так как он единственный, который раньше был великим мейханачи. Потому что он писал сатиры в духе восточной поэзии, которые фактически были абсолютно свободны. Настолько свободны, что он часто пренебрегал правилами языка. У него не было понятия чистоты языка. У него было понятие чистоты смысла. Единственный

¹ Баба Пюнхан (азерб. *Baba Pünhan*) — наст. имя Атабала Сейидалиоглу Мадатзаде, 1948–2004.

способ передачи своих чувств — это была ирония. Они (мейханщики. — А.С.) не хотят, чтобы их произведения воспринимали как сатирический жанр. Они хотят, чтобы их воспринимали как мастеров слова. А почему гордятся Алиагой Ваходом? Потому что он претендовал на то, что он мастер слова, гезельхан (Т., м., 70 лет, культуролог).

Мейханищики, с которыми я общалась, с уважением относились к творчеству Бабы Пюнхана. Они хвалили поэта за то, что «всегда правду говорил», «писал про недостатки народа», «критиковал власть», «защищал черных (имеется в виду бедных. — А.С.) рабочих». Однако исполнители речитативов единогласно соглашались, что Баба Пюнхан не мейханищик, поскольку он затрагивал социальные темы и его стихи являются сатирическими.

Никто не хочет себе повредить. Каждый за свою шкуру боится, репутацию. Если я скажу про Путина или Ильхама, то потом не пустят никуда. Некая цензура есть. Когда мы выходим на передачу, нас предупреждают: говорите так, чтобы никого не задели. Политика не для вас, говорят, нельзя трогать политиков, так что нейтрально (читайте. — А.С.). И мы нейтральную полосу держим, поэтому не можем критиковать, высказать свое мнение. Если на свадьбе говорим иногда, это только между собой, а когда уже по телевизору, на широкий масштаб, это уже по-другому. Поэтому, опять говорю, каждый за себя боится, никто не хочет терять свое место в обществе (Н., м., 36 лет, мейханщик).

Возможность стать мейханищиком — местной знаменитостью, естественно, для молодых азербайджанцев кажется очень привлекательной перспективой. Еженедельно перед передачей на телевидении известных мейханищиков беспокоят сотни звонков от людей, которые их просят взять с собой на шоу. «Мейхана зажигает, потому что в ней есть настоящие деньги», — много раз говорили мне мои информанты. И этот недостаток я легко могла заметить на встречах с популярными исполнителями. Посколь-

ку уже несколько лет сохраняется большой спрос на чтение *мейхань* на свадьбах, стоимость выступления лучших исполнительниц высока. *Мейханьцики* стали зажиточными людьми, они могут себе позволить содержание больших семей, путешествия и машины редких дорогих марок. Покупка новых автомобилей из-за больших взяток на таможне, которые иногда в три раза превышают стоимость самой машины, является символом высокого статуса в обществе. *Мейханьцики*, как и пристало местным *celebrity*, пользуются своей популярностью.

М.: *Извини, что опоздал. Меня задержала полиция.*

Я: *И что, много заплатил?*

М.: *Да нет. Узнали. Только болтать им хотелось, мол. Дал автограф дочке. Отпустили (смех).*

Я: *(смех) И права делать не будешь?*

М.: *А зачем? (смех) (М., м., 39 лет, мейханьцик).*

Зажиточность исполнителей очень часто являлась предметом критики моих собеседников, даже если словесные речитативы в определенной степени им нравились. Многие считают, что «искусство», «народное творчество» несовместимо с высоким заработком. Между тем благодаря тому, что *мейханьцики* воспринимались преемниками Алиаги Вахида, на их своенравное поведение смотрели сквозь пальцы. В качестве примера можно привести до недавнего времени спорный, а сегодня приемлемый брак самого известного *мейханьцика* и одновременно поп-певца Намига Гарачухурлу со звездой азербайджанской эстрады Айгун Казимовой (азерб. *Aygün Kazımova*), которая из-за нескольких разводов имеет весьма плохую репутацию.

Сложившуюся ситуацию информанты оценили следующим способом (А., м., 40 лет, режиссер; В., м., 41 год, директор киностудии):

Информант 1: *У народа есть что-то популярное. Власть смотрит и думает, что, чтобы вызвать симпатию, надо поощрять. При этом это никак ни опасно, а облегчает управ-*

лять. Если мейхана была бы социальной, власть бы ее не поощряла. Одного, который пел мейхану с социальным пластом, вызвали в Министерство безопасности, и потом уже все отошло. Так было и с нашими парнями¹. Аполитичное — это другое, и это надо поддерживать. И низкоинтеллектуальные тоже надо поддерживать: передачи, конкурсы, ток-шоу всякие. На уровне каких-то вопросов, связанных с историей страны, тоже надо быть внимательным. В общем, большая автоцензура.

Информант 2: И мы осознаем, что, если не будет какой-то доли автоцензуры, не будет финансирования. Политическая цензура даже не обсуждается, понимается как реальность. Сейчас цензура как бы эстетическая. Никто даже не думает снять какой-то пессимистический фильм. Потому что, помимо политической цензуры, есть эстетическая цензура, гламурность. Например, нельзя снять фильм о проститутках, потому что их нет в Азербайджане. (Смех.) По сравнению с цензурой, которая была в советское время, сейчас хуже.

Информант 1: Дешевая музыка не должна быть рейтингом, но это так, что некачественная вещь легко собирает народ. На телевидении показывают постоянно, рейтинг растет.

Вне зависимости от того, нравится мейхана слушателям или нет, она, по всей видимости, стала постоянным элементом культурного ландшафта Азербайджана и, несомненно, вписалась в рамки «азербайджанизма». Благодаря этому сегодня выступления исполнителей словесных речитативов стали происходить на элитных вечеринках: днях рождения высокопоставленных

¹ Информант имеет в виду азербайджанскую рэп-группу «Хост Алианс», члены которой были вынуждены беседовать с работниками МВД, поскольку у них при обыске обнаружили наркотики. Им был поставлен ультиматум: либо они поют на «нейтральные темы», либо их творческая деятельность будет остановлена. Группа согласилась на предложенные условия. Однако в конечном счете «Хост Алианс» распалась, некоторые ее члены уехали за границу.

чиновников или новогодних торжествах. Несомненно, произошло государственное признание жанра, что подтверждается многими фактами. В 2006 г. Ага Селим Чильдаг был награжден орденом Славы за заслуги в развитии национальной культуры. В 2009 г. был создан Союз исполнителей *мейханы*, которые добиваются открытия официального центра, где бы проводились словесные состязания. В 2010 г. на сцене Государственного театра «ЙУГ» на основе *мейханы* был поставлен спектакль «Ребенок и мы». Это только некоторые из множества доказательств того, что *мейхана* получила официальное признание в публичном информационном пространстве Азербайджана и используется в национальном строительстве страны.

Утром мейхана, днем мейхана, вечером мейхана, мейхана на свадьбе, мейхана на празднике. С одной стороны — Интернет, с другой — мейхана, с одной стороны — цифровое искусство, с другой — мейхана, с одной стороны — супербульвар, суперфонтаны¹, а с другой — опять мейхана. В любом случае это странно и удивительно. Мы вступаем с мейханой на губах в XXI век. Является ли это позитивом или негативом для нас? Нет однозначного ответа. Фактом остается то, что мейхана в статусе общественного, культурного и даже психологического явления прогуливается по всему Азербайджану крупными шагами и это никого не волнует (А., м., 58 лет, театровед).

«Красивая игра слов» vs «беспредметная болтовня»

Поскольку *мейхана* звучала буквально повсеместно, мне было интересно узнать у ее слушателей и исполнителей, чем именно словесные речитативы их так привлекают. Итак, во-первых,

¹ Информант намекает на перестройку города Баку, которая продвигается быстрыми темпами, меняя облик города.

собеседники обращали внимание на «духовное упоение», которое они получали от участия в *меджлисах* или просмотрах конкурсов на телевидении. Особым источником удовольствия, согласно их мнению, являются именно те фрагменты *мейханы*, которые напоминают словесные импровизационные бои и юмористический диалог — «*дейишме*» (азерб. *deyişmə*).

Мы (азербайджанцы. — А.С.) больше всего любим соревнования, не потому, что просто надо отвечать на вопросы. А ответить надо прикольно и чтобы это было смешно (Д., м., 31 год, журналист).

Мне лично нравится, когда очень логически сказаны мысли там, правильно построены ответы. Это считается правильным «дейишме». Это не просто так, что ты излагаешь свои мысли. Уммм... Это умение дать остроумный ответ в том направлении, которое задает противник. Вот... Да, вот. В общем, да, я согласен с тем, что сказала жюри «Де гяльсин» одному молодому исполнителю. Они там сказали, что более качественной мейханой считается та, в которой те, кто состязаются, не обижают друг друга ругательствами, а задают вопросы. Я считаю эталоном именно этот ответ (Р., м., 27 лет, предприниматель).

Привлекательным является сочетание импровизации и состязания:

Это очень сложно и очень ответственно. Не каждый человек может вот так, прямо, сразу с кем-то соревноваться, друг другу сказать свои слова, никуда не выйти из рифмы, из ритма, чтобы твои и его слова совпали. Многие пробуют, но не получается. Если там смысла нет, если ты не можешь на ходу выразить то, о чем думаешь, дать хороший ответ, попадая в ритм так, чтобы даже одна буква не осталась, значит, ты не в состоянии читать мейхану (Х., ж., 33 года, учительница).

Сложность формы упоминали даже те информанты, которым словесные речитативы не особенно нравились:

Это не очень качественная речь, но сформулированная в изящной форме. То есть контент не очень такой серьезный, интеллектуальный, но форма, она привлекательная. Ритм и так далее (Д., ж., 36 лет, сотрудник учреждения).

Под «некачественной речью» мой информант имел в виду своеобразную словесную игру, которая допускает употребление нецензурных выражений, жаргонных, диалектных форм, заимствований из иностранных языков или применение неправильных грамматических структур. В классической мейхане, которая читается в узком кругу слушателей и особенно ценится, языковые правила, необходимые для литературного языка, отходят на задний план, поскольку они препятствуют свободе высказываний.

Это как беседа, как разговор друг с другом. Но... Мы, например, ругаем друг друга в мейхане. Значит, мы не ругаем вот так, без смысла. Там же надо спорить. Например, в нормальной жизни ты много не скажешь, на тебя же обидятся. А в мейхане это не ругательство, это просто уже так принято, понимаете. Без ругательств нехорошо получается. Там немножко перца должно быть. Остричь надо. Если ты остро отвечаешь, он тебе еще острее ответит. Эта острота — это, вот, вот вся приятность мейханы. Если там остроты нет, там уже это неинтересно. Это весь смысл мейханы. Культурным образом друг с другом разговаривать как бы скучно. Надо даже задевать, сказать то, что, опять говорю, в нормальной жизни сказать не положено, высказать свои слова. Но для того надо, чтобы у человека башка нормально работала (С., ж., 40 лет, певица).

Понятие «чистоты языка» в импровизационном состязании практически отсутствует. Единственным ограничением является соблюдение жестких правил формы, которая благодаря ритму

сближает *мейхану* и аруз. По мнению слушателей и исполнителей, соотношение *мейханы* с арузом, ее импровизационный характер, а также состязательность обуславливают оригинальность и сложность жанра.

Мейхана — это такое творчество, что вообще ему цены нет, потому что, опять говорю, это очень трудный жанр. Никто в мире, кроме нас (азербайджанцев. — А.С.), ее не читает (К., м., 57 лет, мейханщик).

Уникальность явления и удовольствие от него было темой многих бесед. Во время ужина в ресторане на Бакинском бульваре, когда встретились несколько *мейханщиков* и их друзей, обсуждалось одно недавно состоявшееся состязание. Местный поэт Азер пригласил к себе несколько популярных исполнителей послушать, как они читают мейхану вживую. Мои собеседники с гордостью рассказывали о положительной оценке их перформанса хозяином. Однако больше внимания уделялось сказанным во время состязания фразам. Участники вспоминали те реплики, которые особенно им понравились, смеялись и спорили, у кого получилось лучше всех. Один из присутствовавших, Эльшан, сказал мне, что Мехман, его близкий друг, «победит его словом» и что он будет переживать до тех пор, пока и его высказывание не получит признания слушателей. Другой присутствовавший признался:

Мы переживаем наши меджлисы. Когда у нас состязание и кто-то скажет что-нибудь очень красиво, мы это помним долго, цитируем. Тогда этот человек — герой (Б., м., 26 лет, предприниматель).

Если любители *мейханы* гордятся ее исключительностью и оригинальностью исполнения, то противники словесных боев определяют ее как «жанр, где дерутся стихами, оскорбляют». Самой резкой критике подвергаются новые исполнители из провинции:

Это безвкусная, «беспредметная болтливость», бессмысленные, утомительные разговоры. Раньше эти села держали марку. А когда с регионов люди начали заниматься мейханой, стало по-другому. Для них это уже не традиция. Это для них лишь способ зарабатывать. Эти старые люди, которые пели двадцать-тридцать лет тому назад, и сейчас поют намного грамотнее, чем эти из регионов. У новых нет традиции, они как бы взялись за это только ради больших денег. Они безграмотные, не очень интеллектуальные люди, почти наркоманы (О., м., 48 лет, историк).

Причина «деградации жанра» усматривается в переходе от аруза к силлабо-тоническому стиху:

Сейчас форму не соблюдают. Если рифма не совпадает, поставят музыку. Раньше это было сложно, требовало таланта, знаний, богатого словарного запаса. А сейчас это массово (А., ж., 43 года, журналист).

Современная музыкальная мейхана сопоставляется с классической, называемой также «традиционной», в которой высказывания сопровождаются лишь ударным инструментом.

Классическая мейхана — это состояние духа, когда человек говорит то, что чувствует. Но настоящей мейханы уже не осталось. А музыкальная мейхана — это новый жанр. Он служит развлечению (А., м., 43 года, гезельхан).

Другой, в свою очередь, так объяснял свою позицию:

Музыкальная мейхана для денег. Мой друг тоже сочиняет музыкальную мейхану ради заработка, но настоящая мейхана должна быть без музыкального аккомпанемента. Намиг и Вюгар просто деньги большие зарабатывают на музыкальной мейхане. Однако мы этого так не переживаем. <...> Сейчас мейхана музыкальная. Но это будет продолжаться

какое-то время, и потом все забудут, и мейхана вернется к речитативу. Она всегда оставалась и останется в народе. Слишком все любят дейишме (Р., м., 42 года, учитель).

Анализируя оценки словесных речитативов, выставленные моими информантами, я считаю необходимым сказать несколько слов о противопоставлении классической (традиционной) *мейханы* и современной, музыкальной. Выше я упоминала, что основоположником музыкальной *мейханы* был Низами Ремзи, творчество которого носило оппозиционный характер. Однако в современном информационном пространстве Азербайджана музыкальные словесные речитативы воспринимаются как прогосударственные или как минимум политически нейтральные. Их главная цель — развлечение. Таким образом можно говорить о том, что в Азербайджане происходит процесс переворачивания сложившихся элементов культурного пространства, которые касаются *мейханы*. Поскольку новое восприятие жанра как «настоящего азербайджанского» и одновременно «свободного» легитимизирует его существование в информационном пространстве республики, оно поддерживается государственной властью и таким образом является частью национального строительства страны.

Завершая рассуждения о том, как за последние годы в ходе конструирования образа *мейханика* в азербайджанском обществе изменился его статус, можно сказать, что исполнители, а вернее представления о них, являются результатом поисков исторического героя как национального идеала. Хотя часть общества не идентифицирует себя с «торговцами словами» и желала бы, чтобы азербайджанское народное искусство имело другой облик, *мейханик* уже вошел в ряд уважаемых «национальных поэтов».

Мейхана — это снимок момента, когда поэзия устремляется в будущее. Она улавливает момент, взгляд. Я прислушиваюсь и вижу, что это талант, особый жанр, который появился на волне субкультуры, бьет ключом из недр народной культуры. Это особый вид жанра музыкально-литера-

турного творчества, наш фольклор. Эта культура вобрала в себя цивилизованный город, всосала в себя традиционные корни культуры азербайджанцев. Культура имеет этажи, и на этой шкале можно узнать древность нации. Это не каждому народу дано, — констатировала профессор философии Академии наук (А., ж., 60 лет).

Несмотря на то что *мейханик* стал местной поп-звездой, *celebrity*, в азербайджанском обществе постоянно происходят споры по поводу статуса словесных речитативов. Это доказывает, что становление *мейханы* как национального жанра еще не завершено. С одной стороны, она из низкостатусного творчества уже преобразовалась в вид национального фольклора и поэтому воспринимается как символ «азербайджанскости». С другой — частью общества критикуются невысокий уровень произведений, банальность содержания и цензурные ограничения.

Азербайджанцы живут в условиях рыночной экономики, контролируемой властью, однако наблюдаются отсутствие полной лояльности населения к государственным элитам и лишь внешнее подчинение идеологии «традиционализма». При этом среда, сосредоточенная вокруг *мейханы*, старается использовать возможности, которые предоставляет им новая экономикополитическая ситуация. Это приводит к тому, что жители *кендов* пытаются усовершенствовать *мейхану* согласно своим представлениям о том, чем она должна стать для местного населения. Словесные бои продолжают исполняться на торжествах, которые не поощряются государством, как в случае приема в честь Афгана, о чем шла речь выше. Эта ситуация свидетельствует о том, что даже при таком авторитарном режиме, как азербайджанский, власть не бывает тотальной и население продолжает жить согласно своим нормам.

Библиография

- Anatolli Ə. Şapalaq.* Baku, 1927.
Anatollu Ə. Qupletlər. Baku, 1925.
Anatollu Ə. Çuvalduz. Baku, 1930.

Cabarzadə B. Qupletlər. Bakı, 1927.

İmamaliyev A. R. Abşeron meyxanaları. Bakı, 1993.

Rəhimova A. Azərbaycan musiqisində meyxana janrı. Bakı, 2002.

Şəriqzadə A.M. Hal hazırda dair Meyxanə (1-ci hissə). Bakı, 1919.

Şərifov A.M. Darablı R. Hal-hazırda dair Meyxana (2-ci hissə). Bakı, 1919.

Tağısoy N., Zakariyya Z. Meyxananın poetikası. Bakı, 2011.

Список фильмов

He ta, tak eta (азерб. O Olmasın, Bu Olsun). Гусейн С. Бакинская киностудия, 1956.

Bizim Cəbiş müəllim. Seyidbəyli H. C.Cabbarlı adına "Azərbaycan film", 1969.

Dəli Kür. Seyidzadə H. C.Cabbarlı adına "Azərbaycan film", 1969,

Qəzəlхан. Ələkbərov Ş. C.Cabbarlı adına "Azərbaycan film", 1991.